

Робин Брюс Локкарт

СИДНЕЙ
РЕЙЛИ

ШПИОН

ЛЕГЕНДА

XX ВЕКА

Робин Локкарт

**Сидней Рейли: шпион-
легенда XX века**

«Центрполиграф»

УДК 820
ББК 84(4Вел)

Локкарт Р. Б.

Сидней Рейли: шпион-легенда XX века / Р. Б. Локкарт —
«Центрполиграф»,

Книга Р. Б. Локкарта – жизнеописание самого виртуозного суперагента XX века – дополнена уникальными, впервые опубликованными материалами архивов ФСБ России и Пепиты Бобадиля, последней жены супершпиона. Биография Рейли полна «белых» пятен. Он был агентом почти всех крупных разведок мира, манипулировал информацией и людьми, на чем сколотил изрядное состояние. Для него не составляло труда добыть план оборонных укреплений Порт-Артура, предотвратить тотальную подводную войну против Англии или очаровать понравившуюся женщину. Он любил Россию и ненавидел большевиков. Именно в России он начал карьеру шпиона, здесь и погиб, попав в ловушку чекистов (известная операция «Трест»). Документы из архивов ФСБ о последних днях и часах Рейли ставят все точки над и в версиях о его гибели, а дневники и воспоминания Сиднея Рейли приподнимают завесу тайны личности шпиона-легенды XX века.

УДК 820
ББК 84(4Вел)

© Локкарт Р. Б.
© Центрполиграф

Содержание

Р. Б. Локкарт	5
Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Р. Б. Локкарт

Сидней Рейли: шпион-легенда XX века

Р. Б. Локкарт
Ас шпионажа

Предисловие

Для разведывательных служб всего мира, в том числе и для руководителей британской секретной службы (СИС), с которой сотрудничал Рейли, он оставался человеком-загадкой, наслаждавшимся чувством риска и опасности. Он равно хорошо разговаривал на семи языках и неизвестно откуда вынырнул на арену международного шпионажа. Никто, даже самые близкие сослуживцы не знали ни его национальности, ни настоящего имени. Тем, кому довелось быть знакомым с Рейли, казалось, что в нем живут несколько людей одновременно. По сути, он был тайной за семью печатями, которая исчезла из этого мира так же таинственно, как и появилась. Ближайшие друзья называли его «зловещим», враги признавали исключительную отвагу и неотразимое обаяние этого человека. Он азартно, с постоянством завсегдатаев казино и игорных клубов играл со смертью. Устоять перед его чарами не могла ни одна женщина.

Несмотря на сообщения в газетах о гибели Сиднея Рейли в тюрьме ГПУ в сентябре 1925 года, слухи о том, что он жив, постоянно всплывали в самых разных местах. Так было до 1945 года, а дальше – полное молчание. С годами правдивая информация о супершпионе окуталась еще большей тайной, причем не только для простых обывателей, но и для секретных служб многих стран.

Мировая пресса публиковала самые фантастические истории о разведывательной деятельности Рейли. Перед Второй мировой войной французские газеты, например, часто развлекали своих читателей захватывающими комиксами о подвигах этого мастера шпионажа. Но в этих рисованных историях не было ничего, кроме авторских вымыслов. Еще через несколько лет британское и российское правительства, скорее всего умышленно, предали имя Рейли полному забвению.

В 1931 году третья жена Сиднея Рейли, Пепита Бобадилья, издала книгу весьма мелодраматичного содержания под названием «Приключения Сиднея Рейли, британского шпиона-мастера». Захватывая лишь небольшой период времени, книга рассказывает о некоторых фактах жизни как самого Рейли, так и его жены. После выхода книги газета «Дейли мэйл» прокомментировала ее появление так: «Те, кто знал его [Рейли] достаточно близко, имеют право спросить: а весь ли материал основывается на фактах, нет ли в нем вымысла? В свою очередь, и Пепита прекрасно понимала, что ее творение в скором времени уйдет в небытие. Несколько лет спустя она призналась: «Мне хотелось бы написать новую версию, без всякой мелодрамы... Тогда она стала бы действительно «моей» книгой». Еще мой отец, сэр Роберт Брюс Локкарт, чье имя неразрывно связывали с именем Рейли в известном «заговоре Локкарта», целью которого было убийство Ленина, комментируя книгу Пепиты, писал: «Жизнь Рейли содержит несравненно больше потрясающих эпизодов, намного больше, чем в этой книге». А сэр Локкарт близко знал Сиднея на протяжении многих лет.

Лично я видел Рейли только в Праге, когда был совсем маленьким мальчиком. Тем не менее в моей жизни он остался воплощением тайны и объектом восторженного подражания. Большинство моих сверстников с интересом следило за тем, что творится в Европе, а осо-

бенно за драматическими революционными событиями в России. Именно с ними, как я и предполагал, была связана карьера моего отца, именно они будоражили мое юное воображение. Был ли отец государственным деятелем, дипломатом или каким-либо иным лицом, имеющим вес на международной арене, для меня все время оставалось загадкой, но тема России всегда оказывалась в центре горячих дискуссий. И как только разговор касался большевизма, тень Рейли сейчас же возникала где-то рядом. Когда близкие друзья нашей семьи расходились после регулярно проводившихся у нас вечеров воспоминаний, мои родители очаровывали меня подробными рассказами о захватывающей работе профессиональных разведчиков. Героями этих историй как раз и бывали наши гости, однако я был абсолютно уверен в том, что ни один из них не мог сравниться с великим Сиднеем Рейли.

Будучи мальчиком, я заслушивался шпионскими приключениями, которые мне рассказывал сэр Пол Дьюкс. Его выразительное лицо, его тонкие руки, совсем как у музыканта, совершенно не соответствовали образу человека, являвшегося одним из самых ярких агентов СИС. Было трудно поверить, что он выполнял задания разведки на бескрайних российских просторах, маскируясь то под рядового красноармейца, то под простого железнодорожника. Но ни он, герой моего далекого детства, ни кто другой из знакомых мне разведчиков не мог сравниться с Сиднеем Рейли. Я никогда не мог выудить о нем что-нибудь значимое, не мог найти того, кто приподнял бы завесу его тайны. Тогда я твердо решил, что когда-нибудь попытаюсь распутать этот клубок.

Когда началась Вторая мировая война, я был еще неопытным юнцом, только начинающим постигать азы разведывательной деятельности. Находясь на службе в морском разведывательном подразделении, я познакомился с Яном Флемингом, создателем легендарного образа Джеймса Бонда. Тогда Флеминг состоял в должности личного помощника контр-адмирала Дж. Х. Годфрея, командира военно-морской разведки Великобритании. Незадолго до немецкого «блицкрига» дочь контр-адмирала пришлось срочно эвакуировать из Франции в относительно безопасную Англию. Это было поручено нам. Думаю, подобное задание нельзя считать особо сложным, но уверен, что, если бы на нашем месте оказался Сидней Рейли, он бы вернулся в Англию не только с адмиральской дочерью, но и с секретными документами немецкого командования о начале боевых действий. В течение войны мои пути пересекались со многими секретными агентами. Некоторые из них постоянно балансировали на грани жизни и смерти. Другие, несмотря на важность возложенной на них миссии, жили спокойно, не рискуя. Честно говоря, я завидовал одному из своих друзей: работая на нашу разведку, большую часть войны он провел в Швейцарии. Но таких, как Рейли, можно было пересчитать по пальцам. Он являлся не только шпионом. Ему зачастую удавалось самостоятельно разоблачать вражеские разведывательные структуры, притом что наш отдел МИ-5 (контрразведка) и так работал достаточно активно. С какой-то степенью допущения деятельность контрразведки можно считать более безопасной, чем работу разведки. Однако лично я начал испытывать огромное уважение к МИ-5 с того дня, когда сам ненадолго попал под ее подозрение. Вскоре после того, как немцы вошли в Голландию, агент МИ-5 «засек» меня в лондонском ночном клубе в компании с нидерландским принцем Бернхардом. Поскольку принца подозревали в пронацистских настроениях, следующие три недели каждый мой шаг находился под тайным наблюдением контрразведки.

Незадолго до начала военных действий Японии на Дальнем Востоке мне пришлось контактировать с так называемой разведывательной службой «Y», расположенной в Сингапуре и занимавшейся перехватом и дешифровкой вражеских сообщений. Стоит ли говорить, насколько была важна работа этого подразделения. Я преклонялся перед давно не стриженными специалистами, работавшими над расшифровкой японских кодов за рядами колючей проволоки. В то время Сингапур кишел японскими агентами, скрывавшимися под личиной простых фотографов или парикмахеров. В Сингапуре я женился первый раз: моя жена работала секретарем в Дальневосточном штабе СИС. Многие из наших секретных агентов были

китайцами. Они маскировались под кули и, написав донесения на тончайшей рисовой бумаге, прятали их внутри палочки из бамбукового тростника. Но при всем многообразии агентурной сети я абсолютно уверен в том, что ни англичане, ни американцы не имели в Японии ни одного агента, который мог бы хотя бы наполовину сравниться с Сиднеем Рейли.

Ни в Первую, ни во Вторую мировую войну, ни после них ни в одной стране мира мне не доводилось услышать ничего, чтобы кто-нибудь из реально существующих агентов составил мало-мальски достойную конкуренцию Сиднею Рейли. Даже вымышленные шпионские романы не всегда содержали столько драматических моментов, сколько было в настоящей жизни Рейли. Ян Флеминг написал свой первый роман о Джеймсе Бонде, работая управляющим иностранного представительства «Санди тайме». Я в то время сотрудничал с газетой «Файнэншл тайме», и когда его книга стала бестселлером, я позвонил ему по телефону с поздравлениями. Казалось, что Флеминга совсем не обрадовал собственный успех. Всегда буду помнить его реплику: «Знаешь, – сказал Ян, – Джеймс Бонд просто осколок той ерунды, которая пришла мне в голову. Он отнюдь не Сидней Рейли!»

Я всегда считал, что правдивая биография столь легендарного человека обязательно должна быть издана. Не буду приносить извинений за недостаточную полноту этой биографии – слишком уж деятельность Сиднея Рейли наполнена всяческими секретами, слишком велика была его страсть к своему делу, слишком часто внедрялся он во вражеское окружение. По своей сути работа над данной книгой явилась главной разведывательной операцией всей моей жизни. Поиск разрозненных сведений, их тщательный отсев и переработка постепенно дали обобщенный портрет Рейли, а получившаяся в результате книга описала его жизнь практически без искажений. Теперь мой труд может соперничать с официальными секретными источниками. Каких-либо документов о Рейли в архивах СИС сохранилось чрезвычайно мало, да и добраться до них – дело нелегкое. Поэтому все, что содержит эта книга, базируется только на фактах, которые были доподлинно мне известны, или я мог их перепроверить наверняка. Я старался изобразить Рейли таким, каким он был на самом деле, хотя и это тоже оказалось очень нелегкой задачей, поскольку разные люди давали совершенно противоречивые данные о нем.

Хотелось бы еще отметить, что Сидней Рейли никогда не работал на циничных и безыдейных хозяев, полагающих, что мир создан только для них и больше ни для кого. Этот человек умел трудиться одновременно и душой, и телом. Величайшим удовольствием его жизни было выполнение заданий, перед которыми пасовали все остальные.

Считаю себя в неоплатном долгу перед множеством людей, без которых публикация этой книги оказалась бы невозможной. Более того, ее просто нельзя было бы написать без помощи друзей и коллег Рейли. В связи с этим я выражаю самую теплую благодарность члену конгресса майору Стивену Эли, баронессе Бадбергской миссис Элеоноре Бишоп, сэру Роберту Брюсу Локкарту, почтенному Рэндолфу Черчиллю, сэру Полу Дьюксу, Пепите Бобадиля, Альфреду Ф. Хиллу, А.Ф. Керенскому, сэру Реджинальду Липеру, миссис Лаудон Маклин, Джорджу Николсону, генерал-майору сэру Эдуарду Спирсу, полковнику Д.С. Тальботу и еще многим другим лицам, имена которых пока нельзя назвать вслух. Но более всего я благодарен бригадному генералу Г.Э. Хиллу, ближайшему коллеге Сиднея Рейли, помощь которого при подготовке этой книги оказалась бесценной.

*Р.Н. Брюс Локкарт
Дичлинг, Суссекс*

Глава 1

И этими неясными словами я начинаю свой рассказ.
Уодсворт

Дорога казалась скучной и не отличалась красотой придорожного пейзажа. Подобно большинству машин образца 1917 года, автомобиль, ехавший по этой ничем не примечательной дороге, был длинным и тщательно отполированным. Сквозь полумрак баварских сумерек посторонний наблюдатель различил бы в салоне неясные очертания двух людей в военной форме. Автомобиль вдруг начал притормаживать и наконец, жалобно чихнув мотором, остановился окончательно, слева от густой сосновой рощи. Теперь можно было заметить, что у пассажира, занимавшего заднее сиденье, на полковничьем кителе блестят медали, а его водитель одет в форму капрала.

Капрал обернулся, что-то коротко пояснил пассажиру и, открыв дверцу, вышел из машины. Подойдя к багажнику, он вынул из него сумку с инструментами. Потом, открыв капот, он принялся возиться с мотором. В течение нескольких минут было слышно лишь негромкое позвякивание металла о металл. Через какое-то время над крышкой капота появилась голова шофера.

– Герр оберет! – Голос капрала громко звенел в вечерней тишине. – Герр оберет, вы меня крайне обяжете, если поможете с одной штуковиной. Здесь нарушен электрический контакт. Если герр оберет любезно выйдет из машины и подержит маленькую гайку, пока я буду закреплять другой конец кабеля, автомобиль будет готов через несколько секунд.

Полковник, который даже в сгушавшихся сумерках выглядел одновременно и суровым начальником, и робким интеллигентом, выбрался из салона и, сдернув с рук дорогие кожаные перчатки, осторожно положил их на крыло машины. Склонившись над двигателем, пассажир внимательно посмотрел на то место, куда капрал указывал черным от масла пальцем.

Если даже полковник, тупо уставившийся на катушку зажигания, и понял, что тяжелый гаечный ключ стремительно опускается на его череп, то это ощущение длилось не более доли секунды.

Вытерев руки, водитель осторожно раздел обмякшего полковника и затем аккуратно положил тело в багажник. Чтобы быть уверенным в том, что смерть наступила окончательно, капрал крепко сжал горло офицера пальцами обеих рук. Через несколько минут он ослабил хватку, потом взвалил обнаженное тело на плечи и понес свой груз в сторону темневших неподалеку сосен. Сумерки уже превратились в темноту, но капрала это нисколько не смущало. Легко ориентируясь среди деревьев, он вышел к небольшой поляне, находившейся в самом центре рощи. Тело полковника рухнуло на траву. Убийца поднял с земли большую сосновую ветку, надежно скрывавшую свежевырытую могилу. На дне ямы лежала приготовленная заранее лопата.

Чтобы сбросить свою собственную форму и надеть ее на труп офицера, капралу понадобилось меньше пяти минут. Затем, скатив тело в яму, он принялся быстро работать лопатой. Когда могила была закопана, он снова прикрыл свежую землю сосновой лапой.

Голый водитель рысью бросился назад к дороге. Остановившись на обочине дороги, он минуту-две чутко прислушивался и, видимо не почуяв ничего подозрительного, подбежал к автомобилю, вынул из багажника полковничью форму. Бросив короткий взгляд на темневшую рядом кромку леса, он начал одеваться. Офицерские башмаки немного жали, но все остальное пришлось ему в самый раз.

Капрал, превратившийся в полковника, вытащил из-под водительского сиденья что-то похожее на большой табачный кисет. Его содержимое и водительское зеркальце быстро

помогли ему изменить внешность. Тьма сгустилась окончательно, но практические навыки эккапрала позволяли ему преображать собственное лицо в абсолютной темноте так же успешно, как и при ярком дневном свете.

* * *

В окна здания Генерального штаба Германии ярко светило солнце: время приближалось к десяти утра. За огромным прямоугольным столом в просторном конференц-зале собрались все те, кто стоял во главе немецкой армии – фельдмаршалы, генералы, адмиралы: фон Гинденбург, Людендорф, фон Шеер, Гиппер. В торце стола восседал Его Императорское Величество кайзер Вильгельм II.

Все стулья, за исключением одного, были заняты. Начало совещания откладывалось на полчаса из-за отсутствия начальника баварского отдела штаба, принца Рупрехта. Фон Гинденбург недовольно хмурился – для такого молодого офицера, как Рупрехт, опоздание должно быть верхом неприличия. Непростительного неприличия.

Едва часы пробили десять, двери конференц-зала распахнулись. Громкий щелчок каблучков на пороге, четкое отдавание воинской чести, и опоздавший офицер безукоризненным строевым шагом вошел в помещение. С виноватым выражением на лице вновь прибывший полковник принес извинения за вынужденное опоздание – не успел выехать из Баварии, как его личный шофер неожиданно заболел. Пришлось отвезить его в ближайший госпиталь и вести машину самому.

Кивнув кому-то в знак приветствия, полковник занял свободный стул. Так Сидней Рейли стал посещать совещания высшего военного командования Германии.

Глава 2

– Кто родом вы?
– Я жребием доволен, хоть мой жребий
И ниже, чем мой род...
«Двенадцатая ночь»

Сидней Рейли – будем звать этого человека именем, под которым он наиболее известен, – родился на юге России, недалеко от Одессы, 24 марта 1874 года. Мать была обрусевшей полькой, отец, очевидно, полковником русской армии с неплохими связями при дворе Его Величества. Семья исповедовала католическую веру. Несмотря на принадлежавшие земли, род считался захудалым, из так называемых аристократов «второй ступени». Даже через много лет, рассказывая о своей жизни самым близким друзьям, Рейли никогда не упоминал свою подлинную фамилию. Известно только его христианское имя – Георгий. Воспитываясь наравне со школьными сверстниками и сестрой Анной, которая была на два-три года старше, он брал дополнительные уроки по истории, математике, иностранным языкам и правилам хорошего тона.

С ранних лет юный Георгий выделялся способностями, которые оценивались явно выше среднего уровня, а любознательность не имела границ. Но самое яркое проявление его индивидуальности заключалось в страсти к изучению иностранных языков. Уже в зрелые годы он часто ссылаясь на слова древнего мудреца, которые любил цитировать его учитель: «Знать иной язык – значит обладать иным духом». Глубокую веру в Бога он перенял от своего дяди, священника-католика из Одессы. В тринадцатилетнем возрасте Георгий увлекся искусством фехтования, и через некоторое время ему уже не было равных ни среди сверстников, ни среди старших подростков, включая молодых армейских кадетов. Двумя-тремя годами позже в Георгии открылась замечательная способность к меткой стрельбе из пистолета. А ведь он был еще так молод!

Будущий шпион экстра-класса преклонялся перед матерью и сестрой, но более всего уважал отца – и как армейского полковника, и как главу семьи. Казалось, что ему обеспечена блестящая военная карьера, однако, повзрослев, Георгий приобрел привычку спорить с теми, кто старше его и умнее, а это едва ли сочеталось с армейскими принципами. Он отказывался безоговорочно принимать точку зрения других людей, в том числе и своих родителей. Казалось, что утолить его жажду знаний невозможно. В оживленных дискуссиях начинал проявляться сильный характер. Доказывая свою правоту, Георгий бешено жестикулировал руками, забывая обо всем. Его сестра осуждала эту демонстративную невосдержанность брата, говоря, что такое поведение может быть простительным для итальянца, но никак – для русского аристократа.

Когда Георгию исполнилось пятнадцать лет, его мать серьезно заболела, и отцу пришлось выписать из Вены известного врача, еврея по национальности, который находился в их семье до полного ее выздоровления. Георгий и доктор в одно мгновение стали закадычными друзьями. Этот врач изрядно попутешествовал по миру. Особенный интерес мальчика вызывали рассказы о жизни в разных европейских столицах. Впервые он услышал, что существуют и другие уклады жизни, совсем не похожие на привычный российский стиль. С юношеской прямотой Георгий твердо уверовал: все люди яростно борются за пребывание в своей колее, но и пальцем не пошевелият для того, чтобы покинуть накатанную дорожку. В нем родилось отчаянное стремление к общению с молодыми людьми из других стран. Скучная перспектива службы в русской армии больше не привлекала Георгия, и как только мать окончательно поправилась, он объявил, что уезжает в Вену учиться на врача. Несмотря на недовольство всех членов семьи, он проявил упорство и назначил день своего отъезда. Его венский друг, считавший, что химия

более перспективна, нежели искусство врачевания, посоветовал Георгию посвятить три года учебы именно этой науке.

И он окунулся в разгульную жизнь венского студента. Попад в новую космополитическую атмосферу, он испытывал несказанное удовольствие, знакомясь с людьми, близкими ему как по духу, так и по восприятию жизни, как среди профессоров, так и среди студентов. Георгий относился к той категории учащихся, которые, не в пример товарищам, познавали новое с завидным усердием, сторонясь вина и женщин. Венский врач относился к Георгию крайне благожелательно, и дружба, возникшая в России между доктором и сыном полковника, становилась все крепче и крепче. Кроме того, молодой студент принимал самое горячее участие в оживленных дискуссиях, то и дело проходивших в доме доктора после работы.

То, что Георгий рано или поздно обратит внимание на политическую жизнь студентов, казалось неизбежным. Огромная разница жизненных стандартов между богатыми и бедными слоями населения достигла такого аномального уровня, что пытливый молодой человек не мог найти этому факту удовлетворительного объяснения. Перелом в сознании произошел незадолго до вступления в небольшое университетское общество с явным социалистическим уклоном под названием «Лига просвещения». Маленькая группа молодых интеллектуалов встречалась раз в неделю за чашкой кофе. Эта организация казалась совершенно безобидной.

Однажды Георгий получил телеграмму из дома. В ней сообщалось, что мать почти безнадежно больна, и отец просил его немедленно приехать. У Георгия сжалось сердце, поскольку он хорошо знал, что доктор, уже дважды вытаскивавший мать из могилы, находился во Франции и никак не мог появиться в Вене раньше, чем через месяц.

Сдав багаж на вокзале, Георгий ненадолго зашел попрощаться с друзьями. Услышав, что он собирается в Россию, глава «Лиги просвещения» попросил его о небольшом одолжении – отвезти в Одессу одно письмо. По словам товарища, письмо было весьма срочным и его можно провезти под подкладкой плаща практически без риска. Обрадовавшись в душе, что сможет принести хоть малую, но реальную помощь общему делу, Георгий с готовностью дал свое согласие. Хотя, если бы его мысли не были так заняты состоянием матери, возможно, он бы и поинтересовался, зачем нужно было доставлять это послание с такими мерами предосторожности.

Приехав в Одессу, девятнадцатилетний Георгий был тут же арестован агентами царской охранки, обвинен в революционной деятельности и брошен в тюрьму. Недели, проведенные в одиночной камере на черном хлебе и воде, не могли охладить его бурных протестов против заключения. Георгий не имел никаких предположений о содержании письма и никогда не встречался с человеком, которому должен был его передать.

«Лига просвещения» являлась не такой уж безвредной организацией для России, как это могло показаться с первого взгляда. Письмо, которое вез Георгий, предназначалось для тайного марксистского кружка. Его содержание имело самое непосредственное отношение к подготовке революционного переворота. Уже только за это полагалась Сибирь. Убедившись в том, что Георгий не больше чем пешка, власти выпустили его на свободу.

Молодой человек был ошеломлен, когда, вернувшись домой, узнал, что его мать только что умерла. На похоронах Георгия страшно беспокоило, думают ли его родные, что он опозорил семью. Этот вопрос волновал его больше всего, даже смерть матери как будто отступила на второй план. Родственники, за исключением Анны, как могли, старались успокоить Георгия. От сестры же он не услышал ни единого слова утешения. Напротив, она его только обвиняла, а отец хранил странное молчание.

В тот день, когда Георгия выпустили из тюрьмы, один из его многочисленных дядей, питавший брезгливость ко всему, что связано с охранкой, сам того не ожидая, круто изменил жизнь будущего супершпиона. Зародыш великого Сиднея Рейли начал формироваться после того, как в присутствии всех дальних и близких родственников дядя скабрёзно произнес:

– А чего же вы еще ожидали от грязного жидовского ублюдка!

Так открылся секрет, тщательно скрывавшийся от молодого человека на протяжении девятнадцати лет. Георгий не являлся законным сыном своего отца. Он появился на свет в результате связи матери с доктором Розенблумом. Нужно сказать, что Георгий хорошо знал доктора и даже преклонялся перед его достоинствами. Ради сохранения чести семьи мальчик воспитывался в доме полковника полноправным членом, но, как сказал любезный дядюшка, дурная кровь наконец дала себя знать. Более того, имя мальчика было вовсе не Георгий, а Зигмунд. Именно так назвал его настоящий отец, доктор Розенблум.

Мир в душе Георгия перевернулся. Его мать, католичка, которую он любил больше всех на свете, предала его! Георгия шокировало осознание того факта, что теперь он не сын русского полковника, а несчастный еврейский выродок. Его любимый отец – вовсе не отец, сестра – не сестра... Он выродок, да к тому же еще и еврейский... Его передернуло, когда он вспомнил фразу, которую довольно часто произносил в шутку: «Господи, благослови государя и покарай евреев!»

Не обращая внимания на рыдающую Анну, Зигмунд Розенблум мысленно проклял свою семью. Бросившись в комнату, молодой человек схватился за перо и написал две короткие записки. Первая предназначалась Розенблуму: «Надеюсь, Ваша душа будет гореть в аду!», вторая – Анне: «Найдете меня подо льдом одесской бухты». Оба текста навсегда запечатлелись в его памяти, и даже много лет спустя он мог процитировать их слово в слово. Две короткие фразы на белой бумаге преследовали его в ночных кошмарах всю жизнь.

Покинув дом, ничего не видящий вокруг себя от горя, Розенблум добрался до Одессы и опустил оба конверта в почтовый ящик. У ближайшего старьевщика он обменял роскошный костюм на рабочую блузу и с помощью знакомого моряка пробрался на готовое к отплытию британское судно. Корабль шел в Южную Америку...

«Заяц» был очень скоро обнаружен и представлен на суд капитана. С бравадой, в сложившихся обстоятельствах больше походившей на глупое упрямство, он назвал свою фамилию, которую теперь считал настоящей, – Розенблум. Другими словами, молодой человек открыто объявил себя евреем. Казалось, он получал мазохистское удовольствие, издеваясь над самим собой.

* * *

Розенблум прожил в Южной Америке, большей частью в Бразилии, целых три года. Ему доводилось работать и докером, и поваром, и на плантациях, и на строительстве дорог, и даже швейцаром в борделе, затерявшемся в грязном квартале Рио-де-Жанейро. Все это время Розенблума нещадно преследовала одна и та же мысль: он – незаконнорожденный еврей, преданный собственной матерью. И все это время, хотя сам Розенблум этого и не замечал, его характер становился все более закаленным.

* * *

В 1895 году три британских офицера прибыли в Бразилию с целью исследования глухих районов джунглей в бассейне Амазонки. Розенблум, к тому времени в совершенстве овладевший португальским языком и отзывавшийся на имя Педро, нанялся в эту экспедицию поваром. Задуманное предприятие сразу началось крайне неудачно. В верховьях Амазонки из группы сбежали несколько носильщиков, до смерти перепуганные враждебно настроенными против пришельцев туземцами. Абориген-проводник и оставшиеся местные носильщики еще потерпели несколько дней, но когда офицеров свалила лихорадка, злоумышленникам пришла в

голову банальная идея – убить спящими всех троих офицеров и бежать, прихватив с собой багаж и оружие.

Немного найдется мест на земле, где природа столь оживлена в ночное время, как в Бразилии, но среди рева животных и птичьего щебетания Педро сразу различил подозрительный треск кустарника. Схватив револьвер одного из офицеров, он с легкостью отбил атаку нападавших, благо старые навыки стрельбы без промаха еще не были забыты... Один из офицеров умер, разделив судьбу многих путешественников, похороненных в зеленом океане амазонской сельвы. Оставшихся в живых Педро привел обратно в Рио.

Через некоторое время он вдруг обнаружил в себе некоторые перемены. Педро больше не передергивало от фамилии Розенблюм, а Бразилия стала казаться ничуть не хуже России. Англичане, обязанные своими жизнями «португальскому» повару, изумлялись образованности молодого человека, свободно разговаривавшего на нескольких языках.

Они тщетно пытались выяснить у Педро его происхождение и какими судьбами он очутился в Бразилии. В знак благодарности за свое чудесное спасение майор Фотерджилл, лидер британской партии и, как следствие, не стесненный в средствах, выдал Розенблюму чек на полторы тысячи фунтов, выхлопотал ему британский паспорт и лично сопроводил на корабль, отходивший в Англию.

Одесскому еврею, жизнь которого за последние три года потеряла всякий смысл, был предоставлен еще один шанс.

Истосковавшийся по цивилизованной жизни, двадцатидвухлетний Розенблюм сразу же сблизился с новыми британскими друзьями. Природное обаяние, которое он пронес через прожитые годы, обычно моментально снимало предвзятость суждений о нем со стороны окружающих, вызванную его еврейской фамилией. Он начал называть себя на германский манер, и уменьшительное от Зигмунда – Зигги постепенно превратилось в имя Сидней.

Новоиспеченный Сидней Розенблюм тратил свободное время у портных и в модных магазинах одежды. Во внешнем виде молодого человека появилась забытая опрятность, и люди на улицах начали оборачиваться на элегантного молодого человека со смуглой кожей и пронзительным взглядом больших темных глаз. Итак, стиль жизни, выбранный Сиднеем – теперь все называли его так, – требовал немалых денег. Полторы тысячи фунтов, полученные по чеку полковника, конечно, приличная сумма, но следовало побеспокоиться и о будущем. Он решительно отверг предложение майора Фотерджилла отправиться с ним в Россию по «делам службы». Офицер доверительно добавил, что имеет «некоторые связи» с британской разведкой. Мысль снова увидеть родину причиняла Сиднею страшные душевные переживания. В это же время, забыв о необходимости получения дальнейших средств к существованию, Сидней безудержно влюбился в женщину на несколько лет старше его. Избранница только начала приобретать себе имя в Лондоне, как начинающая писательница. Ее романтическая натура ответила взаимностью, и на последние триста фунтов влюбленная парочка отправилась в Италию. Под средиземноморским солнцем и благотворным влиянием Римско-католической церкви, без которого не обходился ни один аспект итальянского уклада жизни, Сидней вдруг вспомнил о католической вере, в которой воспитывался с детских лет. Розенблюму показалось, что его душа полностью очистилась, и ради своей любимой он был готов на все. Через много лет, анализируя прошлое, Сидней пришел к выводу, что эта страсть была одна из немногих досадных случайностей в его жизни. Розенблюм совсем не сердился, когда впоследствии писательница издала роман, высоко оцененный критикой. В основе сюжета книги лежали его собственные молодые годы. А писательницу звали Этель Лилиан Войнич. Свой роман она назвала «Овод».

Между тем молодые любовники отправились на Эльбу, где Розенблюм был покорен историей о взлете и падении Наполеона. С большими усилиями он наскреб 100 фунтов на покупку полотна с изображением императора на фоне Триумфальной арки и критическими замечаниями самого Бонапарта, написанными в углу картины собственноручно. Несмотря на

то что много позже Сидней позволял себе и более дорогие приобретения, «стартовое» полотно широко известной коллекции Рейли было для него самым ценным. Посвященная Наполеону, эта картина в конечном счете была продана, вырученные средства пошли в фонд поддержки контрреволюционного движения в России.

Наполеон Бонапарт стал для Розенблюма чем-то вроде Бога. Личность этого императора породила в его душе новые честолюбивые амбиции. Находясь в Италии, Сидней внимательнейшим образом вникал в политическую ситуацию, его отчет на эту тему получил блестящую оценку Фотерджилла. Во Флоренции Розенблюм расстался со своей подругой, объяснив ей, что неотложные дела незамедлительно призывают его вернуться в Лондон.

Ознакомившись с подробным докладом об Италии, Фотерджилл, фактически являвшийся кадровым сотрудником британской секретной службы, понял, что его автор обладает незаурядными аналитическими способностями, особенно в вопросах политики. Несмотря на то что Розенблюм был еще очень молодым человеком, майор рассматривал его как потенциального агента весьма высокого ранга.

К удивлению обоих СИ (так обычно называли офицеров британской секретной службы) – и Фотерджилла, и его шефа, – Розенблюм кардинально изменил свою позицию. Теперь, после визита в Италию, он не просто добровольно просился в Россию, а энергично настаивал на этом, впрочем, с одной лишь оговоркой – он не должен нанести своей родине вред.

Глава 3

*Он шел по городам, морям и землям.
Шелли*

В 1897 году Розенблум получил от британской секретной службы первое официальное задание. Будучи новичком, Сидней должен был выполнить относительно несложную миссию. Из отчетов, которые впоследствии стали приходить в Лондон из британского посольства в Санкт-Петербурге, следовало, что Розенблум занимался выяснением степени российских притязаний (если таковые вообще имели место) к новым месторождениям персидской нефти.

Молодой человек, исчезнувший из Одессы четыре года назад и вернувшийся на родину в роли секретного агента, испытывал некоторое чувство стыда, но его доклады в Лондон были всегда точны и не предвзяты. Розенблум полагал, что Россию, добывавшую достаточно своей нефти в Баку, интересовали лишь цены на персидские нефтепродукты. Дополнительно Сидней прислал в Лондон исчерпывающий материал о Транссибирской магистрали, строительство которой закончилось совсем недавно.

Работая в Санкт-Петербурге, молодой человек обрел новое увлечение. Двдцатитрехлетняя рыжеволосая красавица Маргарет Томас, приехавшая из Англии с шестидесятилетним мужем, министром Уэльса, не могла не обратить на себя внимания. Молодая женщина явно скучала, хотя не знала отказа ни в одной своей прихоти – ее муж Хьюго Томас слыл человеком удивительно богатым даже по министерским меркам. Огромная разница в их возрасте говорила сама за себя. По общему признанию, постоянное присутствие Хьюго чрезвычайно тяготило Маргарет, но разве могло это пустяковое препятствие удержать Розенблума! Ему довелось сопровождать Томасов через Европу обратно в Англию, и в каждом отеле, где они останавливались на ночлег, номер Сиднея всегда оказывался напротив номера министерской четы.

Наконец приятное путешествие подошло к концу. Томасы отправились в собственный особняк в Паддингтоне, Вестборн-Террас, 6. Розенблум остановился в апартаментах на Кеситор-стрит, 3. Благосклонно приняв доклады нового агента, руководство СИС предложило ему очередную миссию, но Розенблум попросил отложить выполнение нового задания. Сидней пообещал своему куратору, что вернется к службе, как только решит накопившиеся вопросы «частного свойства».

Вопросы «частного свойства» поставила Маргарет. Розенблум стал наносить регулярные визиты на Вестборн-Террас, причем стоило Хьюго заболеть частота посещений резко возросла. Познания в медицине у бывшего студента-химика казались несравненно глубже, чем у врача, практиковавшего Томаса. Кончилось это лечение тем, что Сидней начал сам выписывать рецепты для Хьюго. Однако здоровье старого министра отнюдь не улучшалось.

4 марта 1898 года Хьюго Томас написал завещание, в котором все свое состояние оставлял жене. Через несколько дней, несмотря на плохое состояние мужа, у Маргарет возникло странное желание вновь посетить Европу, взяв Розенблума в качестве сопровождающего. Однако семейство добралось лишь до Ньюхэвена, где 13 марта в отеле «L & P» Хьюго Томас скончался. Местный врач, решивший блеснуть знаниями латыни, дал заключение: «Morbus Cordis Syncore». В переводе это означало «сердечная недостаточность».

Безутешная супруга унаследовала роскошный особняк и восемь тысяч фунтов, а 22 августа того же года Маргарет и Розенблум вступили в законный брак. При его официальной регистрации в Хольборне жених назвался Зигмундом Георгиевичем Розенблумом, химиком-консультантом по профессии. Заодно обе стороны несколько повысили статус своих родителей. В итоге отец Розенблума оказался крупным землевладельцем, а Маргарет объявила, что ее отец

Эдуард Рейли Келлагэн – покойный капитан Королевского военного флота. В свидетельстве о браке с покойным Томасом отец Маргарет фигурировал как скромный моряк. Кроме того, она начисто забыла о своем первом муже, ирландском слуге в доме Хьюго.

После медового месяца, проведенного в Брюсселе и Остенде, молодожены поселились в Вестборн-Террас, придав дому еще больше роскоши, благо свалившееся богатство позволяло это сделать. Соседи поговаривали о Розенблюме как о «зловещем джентльмене, выдающем себя за русского графа». А супруги делали выезды исключительно в карете, запряженной парой великолепных лошадей. На запятках стоял лакей в ливрее с блестящими пуговицами и в белых перчатках.

СИ продолжали терпеливо ждать своего агента, надеясь, что рано или поздно Розенблюму надоест проматывать деньги и наслаждаться семейной идиллией. Однако, как удалось выяснить, за красивым фасадом, между развлечениями и удовольствиями семейной жизни, пытливый ум Розенблюма был занят очередным планом. За несколько месяцев своего брака Сидней убедил супругу продать дом в Паддингтоне и перебраться в более фешенебельный район Лондона, поближе к Вестминстерскому дворцу. 9 мая 1899 года молодая чета сняла апартаменты на Кэкстон-стрит. Все деньги, полученные и от продажи дома, и доставшиеся Маргарет по наследству, супруги положили в банк, причем счет был открыт на обоих.

Прошел почти год с того времени, как Розенблюм отпросился заняться вопросами «частного свойства», поэтому его телефонный звонок с просьбой о новом назначении, последовавший летом 1899 года, привел СИ в некоторое замешательство. Агент просил немедленной встречи, на которой Розенблюм без всяких обиняков заявил, что он готов к выполнению любого задания.

Видя нездоровый блеск в глазах молодого человека, СИ предположили, что все деньги супруги Розенблюма переключали в сейфы игорных домов Лондона. Однако он охладил их пылкое воображение, заявив, что не нуждается в получении задания немедленно, но в случае необходимости СИ могут на него рассчитывать. Далее последовал прозрачный намек на то, что сумма, выделяемая ему британской секретной службой, слишком мала для эффективной работы, но теперь... Теперь он располагает некоторыми свободными средствами. Поэтому он готов оставить жену, предающуюся светским развлечениям, и, наконец, заняться делом.

У СИ отвисли челюсти. Кто он, этот странный молодой человек, появившийся из бразильских джунглей, свободно говорящий на семи языках и знающий всю Европу как свои пять пальцев? По большому счету Фотерджилл даже не знал его национальности. Было известно только то, что Розенблюм без промаха стрелял из пистолета и говорил, что родился в России. Но и последний факт не имел никаких доказательств. Было что-то зловещее в этом агенте, который решительно отказывался говорить о том, что касалось его прошлого и настоящего, который появлялся и исчезал когда ему вздумается. Поскольку абсолютное большинство агентов работало только ради денег, Розенблюм приобрел особое отношение руководства. Кроме того, молодой человек обладал всеми необходимыми задатками для того, чтобы стать первоклассным шпионом. Может быть, соглашаясь на постоянное сотрудничество с Розенблюмом, британская разведка и шла на определенный риск, однако игра стоила свеч.

Итак, молодой человек вернулся в разведку, взяв при этом фамилию своей жены – Рейли. Майору Фотерджиллу, выписавшему ему новый паспорт, Сидней пояснил, что новая фамилия больше подходит для агента: называясь ирландским именем, ему будет легче убедить окружающих в своих антианглийских настроениях. Так в 1899 году родился Сидней Рейли, будущий король британского шпионажа.

* * *

Шпионская карьера Сиднея Рейли шла крайне быстро. За довольно короткое время он прослыл одним из самых профессиональных агентов, что для СИ было явлением крайне нетипичным. Он часто выезжал за границу, куда именно – до сих пор остается неизвестным. Одно можно утверждать точно: все эти миссии были относительно несложными. Во время коротких передышек, ожидая очередного назначения, Сидней с удовольствием проводил время с Маргарет. Британская разведка, по достоинству оценив агента, не скупилась на деньги. Возвращаясь в Лондон к шефу с очередным докладом, Рейли знал, что его ожидает чек на кругленькую сумму. В мгновение ока он тратил немного из заработанного на модную одежду и пополнение «наполеоновской» коллекции, а большая часть выплаты проигрывалась в карты.

Начало Англо-бурской войны застало Сиднея в Голландии. Превратившись в немца, он отправился в Германию выяснить информацию о ее военных поставках в Южную Африку. Однако немецкий язык был одним из тех немногих, в котором Рейли еще не достиг совершенства. Кроме всего прочего, эта миссия никак не была связана с Россией – со страной, которой Сидней интересовался больше всего. Именно поэтому он более чем обрадовался, когда в 1902 году его отозвали из Германии. Теперь агент просил назначения в Персию.

В конце XIX века Людвиг и Роберт Нобели, те самые шведы, которые основали Нобелевскую премию мира, занимались разработкой нефтяных месторождений на Кавказе. Другими словами, по соседству с Персией начались перспективные геологические исследования, что не могло не заинтересовать британскую разведку. Объяснялось это весьма просто: на территории США практически все исследования в этой области уже завершились и нефтяная империя Рокфеллера беспредельно царила на международном рынке. Естественно, что в этих условиях внимание Европы было приковано к персидским месторождениям. В первую очередь в этом были заинтересованы три великие державы: Великобритания, Франция и Россия.

Программа французских исследований в Персии была свернута в самом ее начале благодаря умелым действиям русских дипломатов в Тегеране. Хотя Россия и вела собственные исследования внутри страны, ей совсем не хотелось допустить активные разработки по поиску нефти рядом со своими южными границами. В 1901 году Уильям д'Арси, прославившийся открытием нескольких золотоносных месторождений в Австралии, убедил персидского шаха продать ему эксклюзивные права на нефтяные разработки. Эта сделка обошлась ему в 10 тысяч фунтов. Британское правительство насторожилось, ожидая негативной реакции российских дипломатических кругов на такой «подарок». Нефтяные магнаты Европы беспокоились не меньше – им было необходимо знать, можно ли погреть руки на персидской нефти и если можно, то когда. Руководству британской секретной службы срочно требовалась достоверная информация. Рейли со своими русскими корнями показался лучшей кандидатурой на выполнение нового задания.

СИ пришлось серьезно потрудиться, убеждая Рейли в том, что его миссия не направлена против интересов России. В планы британского правительства не входило противостояние с русскими. Функция Рейли заключалась в детальной проверке слухов, приходящих из Тегерана, и разработке предложений по нейтрализации возможного недовольства официального Санкт-Петербурга. Министерство иностранных дел Великобритании получало достаточно подробные отчеты из своего посольства в Персии, однако разведка нуждалась в независимой экспертизе.

Итак, Рейли приехал в Персию, где правил шах, имевший официальный титул Короля королей, хозяина воздуха, земли и воды, империя которого начинается там, где восходит Луна, и заканчивается в бездонных морских глубинах. Называть владения шаха Мозафера эд-Дина «империей» можно было лишь с большой степенью допущения: Персия представляла собой

каменистое плато с отвратительными дорогами, там свирепствовала черная оспа, и уже в семь утра воздух прогревался до тридцати градусов в тени.

Согласно легенде, Рейли являлся производителем некоего лекарственного средства. Сидя на верблюде, мнимый предприниматель от медицины пересек пустыню и прибыл в город Чиа-Сурх, неподалеку от Тегерана, где проживал некий господин Рейнольде, полномочный представитель д'Арси. Рейнольде и его коллеги в полной мере располагали информацией, которая интересовала Рейли. Несмотря на невыносимые условия, в которых приходилось работать людям д'Арси, несмотря на солнечные удары, набеги саранчи, черную оспу и нехватку воды, они были твердо убеждены, что обязательно найдут здесь нефть.

В Тегеране Рейли успешно получил заказы на новое лекарство, причем был принят в доме самого Атабека – главного визиря персидского шаха. Обаятельный молодой человек сразу же обрел друзей и в британском посольстве. Остроумный собеседник, подходящий для разговора практически на любую тему, свободно владевший несколькими языками, стал повсюду язвительно критиковать разработки, ведущиеся в Чиа-Сурхе. На этом фоне его случайные вопросы о возможности нахождения нефти в том районе казались совершенно невинными. Собрав всю достоверную информацию и сославшись на коммерческие дела, Рейли покинул Тегеран. Надо полагать, что персидские заказчики были крайне расстроены, так и не дождавшись от фальшивого фармацевта волшебного снадобья.

СИ получили подробнейший доклад, в котором отмечалось, что с открытием персидской нефти произойдет революционный переворот не только в британской, но и во всей мировой экономике. Если бы английская дипломатия нашла возможность «откусить» от тегеранского пирога свой кусок, то сокровища из «Тысячи и одной ночи» показались бы дешевыми безделушками. Бродя по всем этажам СИС, яростно жестикулируя длинными руками, что всегда выдавало его еврейское происхождение, Рейли настаивал на том, чтобы британское правительство немедленно выкупило нефтяную концессию д'Арси. Он был абсолютно убежден в том, что русские не станут протестовать и предоставят Великобритании беспрепятственно разрабатывать месторождения в северных провинциях Персии, если поделиться концессией с Санкт-Петербургом. В том, что нефть будет найдена, Рейли не сомневался ни на минуту, и тогда в экономике действительно наступит новая эра. Аналитический ум молодого человека сделал вывод о том, что перспективный альянс двух великих держав – Великобритании и России – может господствовать над всем миром.

К сожалению, правительство Великобритании очень осторожно отнеслось к выводам Рейли и не предприняло никаких практических действий. Тем не менее его отчет сохранили, и через несколько лет содержание отчета приведет к весьма плачевным последствиям. А пока Рейли ждала другая работа.

* * *

В то время Россия, арендовавшая у Китая полуостров Ляотан, превратила его в важнейшую военно-морскую базу на Тихом океане. СИ нуждались в детальной информации на этот счет. Несмотря на то что для Рейли подобная миссия означала шпионаж против своей родины, он взялся за новое задание. С разрешения руководства агент взял с собой Маргарет. Частые отъезды Рейли за границу «по делам бизнеса» привели к тому, что его жена начала крепко выпивать. Сидней очень надеялся, что путешествие в Китай и возобновление нормальных семейных отношений избавит ее от пагубной привычки.

После приезда в Шанхай Рейли получил скромное место в русской пароходной восточно-азиатской компании. За шесть недель работы он не только доказал новым хозяевам свои творческие способности, но и убедил их командировать его в Порт-Артур как представителя компании.

Работы по укреплению морской базы в Порт-Артуре велись невиданными до сих пор темпами. За строительством оборонительных сооружений наблюдали представители крупнейших мировых фирм по производству оружия. Там находились представители компаний «Крупп», «Шнайдер» и «Блом & Фосс». Именно от них Рейли и получал небольшие обрывки важной технической информации. Умело сложенные, они давали представление обо всей картине в целом. Порт кишел русскими контрразведчиками, однако Рейли удачно подкупил одного морского инженера и через него «заимствовал» чертежи и карты. Изучение проходило непосредственно за рабочим столом инженера, естественно, в то время, когда в офисе уже никого не было. Документы клались на стол между двумя листами стекла, а сделать качественные фотографии было уже делом техники.

Так или иначе, но проблемы у Рейли все же существовали. Маргарет к тому же крепко выпивала и стала склонна к истерии, давая мужу поводы для частых ссор. Кроме того, в русско-японских отношениях начала появляться напряженность. После того как в 1902 году был создан англо-японский альянс, Рейли серьезно беспокоился, что его информация передается из Лондона в Токио, потенциальному противнику России. Чувствуя, что и над работой, и над личной жизнью нависла серьезная угроза, он принял единственно правильное решение. Во-первых, Рейли отправил Маргарет назад в Европу. Во-вторых, как уже он делал и раньше, передал в Лондон, что временно отходит от дел. СИ пришли в ярость, но поделать ничего не могли.

И Рейли отправился путешествовать по Китаю. Вероятно, это были лучшие дни его жизни, однако он сам никогда не распространялся на этот счет. Удалось установить, что Рейли примкнул к школе китайского мудреца Чжо Лиму, который познакомил его с различными религиозными течениями Китая. Измученной душе Сиднея требовалось успокоение. И в последующие годы жизни он часто цитировал излюбленные слова учителя: «Плохое приходит и уходит, но боль от него остается». И еще: «В каждом поколении рождаются мужчины, у которых особенно сильна склонность к лидерству. Я твердо убежден, что ты – один из них».

В провинции Сянь-Ци, в тени Великой Китайской стены, Рейли предавался изучению ламаизма. Сын Сиона, воспитанный в католической вере, стал буддистом. Много лет спустя коллеги Рейли по разведке часто подшучивали: «О, вон идет сороковое воплощение живого Будды».

Несмотря на внутреннее успокоение, обретенное в Китае под влиянием старца Чжо Лима, Сидней решил вернуться в Лондон. Приехав в Англию, Рейли узнал, что Маргарет уже год как исчезла, не забыв, однако, прихватить все деньги с общего банковского счета. Попытки навести справки о Маргарет оказались безрезультатными. Леди пропала без следа, если не считать сданные в магазин его личные вещи, включая и «наполеоновскую» коллекцию. В активе у Рейли осталось несколько сот фунтов, поступивших на его счет уже после ухода жены.

После некоторых колебаний СИ решили пойти на мировую со строптивым агентом, поскольку его профессиональные качества были безупречны. Пока Рейли находился на Дальнем Востоке, наличие нефти в персидских месторождениях было полностью доказано, но, как оказалось, в очень незначительном количестве. Он попросился обратно в Персию, однако мечту найти «нефтяное эльдорадо» для Британии пришлось отложить – Рейли дали очередное назначение в Германию.

Под властью кайзера Вильгельма II Германия больше походила на единый военный завод. СИ уже послали одного своего человека на завод Круппа, но не успели получить ни единого отчета: он таинственно исчез, едва добравшись до Германии. Британская разведка не сомневалась в том, что, вычислив агента, немцы просто убрали его без лишнего шума. Острая необходимость миссии была очевидна.

Через несколько недель обучения на фирме Шеффилда новоиспеченный сварщик с коротко остриженными волосами, грубыми немытыми руками, в потрепанной одежде и стоптанных башмаках появился в Германии. Прибалтийского немца родом из Ревеля звали Карл

Хэн. Сам он, по легенде, был российским подданным и работал раньше в Санкт-Петербурге сварщиком на Путиловском заводе.

Военное производство Круппа постоянно расширялось, поэтому Рейли не составило труда быстро получить там рабочее место. Его трудовой день был долог, а труд тяжел. Несмотря на то что дополнительные цеха были построены совсем недавно, а другая, большая их часть еще только строилась, получить детальный план заводских сооружений оказалось совсем не легко. Охранники и часовые находились повсюду. Лишний раз отойти от рабочего места, не возбудив подозрений, казалось невозможным. Проблема была решена, когда Рейли заметил, что добровольцы из специальной аварийной команды, работающей по ночам, беспрепятственно перемещаются по всей заводской территории. В эту команду он и попросился.

Получив возможность относительно свободного передвижения, Рейли с помощью отмычки, захваченной с собой из Англии, и потайного фонаря нанес несколько визитов в конструкторское бюро Круппа. На чертежных досках располагалось такое огромное число различных чертежей, что Рейли пришлось провести некоторую «сортировку», выбирая из них лишь те, которые должны представлять наибольший интерес для СИС. При работе почти в полной темноте Сидней не имел практической возможности воспользоваться фотоаппаратом, да и брать его с собой было огромным риском. В тусклом свете потайного фонаря Рейли пришлось работать с обычной копиркой. Эта работа не была трудной, но отнимала огромное количество времени. Свободное передвижение по заводу как члена аварийной команды было лишь одной стороной медали. Оставалась еще одна проблема – он не мог пропадать часами каждую ночь, чтобы быстрее закончить копирование чертежей. И тогда Рейли пришла в голову замечательная идея. Ему удалось убедить пожарного, работавшего в аварийной команде, в необходимости нарисовать схемы помещений с подробнейшим указанием мест расположения всех огнетушителей и пожарных гидрантов. Скоро это было сделано, и планы были вывешены в помещении пожарного. Теперь все члены аварийной команды могли их изучать.

Рейли стал приходить к пожарному и запоминать наизусть чертежи заводских цехов. Придя домой, ему оставалось лишь аккуратно перечертить на бумагу то, что он запомнил. На беду, участвовавшие визиты Рейли в пожарную часть вызвали подозрения. Несмотря на то что Сидней без особого труда ответил на все неуклюжие вопросы заводской администрации и местной полиции, он понимал, что времени у него оставалось в обрез. Единственный вариант заключался в том, чтобы выкрасть планы из пожарной части и навсегда исчезнуть из этого места.

Двумя днями позже Рейли купил железнодорожный билет до Дортмунда, который находился в двадцати милях от «места преступления». Там, на конспиративной квартире СИС, его ожидали деньги, одежда и новый паспорт. Четыре объемистых конверта, адресованных в Лондон, Париж, Брюссель и Роттердам, были надежно спрятаны под одеждой. Купив у местного шорника несколько кожаных поводьев, Рейли спрятал их под комбинезоном. Туда же отправились и ленты разорванной простыни.

«Убедить» пожарного оказалось делом совсем не таким легким, как вначале полагал агент. Стрелять было нельзя, тотчас же поднялась бы тревога, поэтому Рейли пришлось слегка придушить несговорчивого немца. Меньше чем через минуту пожарный был надежно связан. Сорвав со стены все планы завода, Рейли упаковал их в четыре заштампованных конверта. Если одно письмо не дойдет до адресата, то уж остальные три точно попадут в нужные руки.

Выбегая с территории завода, Рейли еще раз использовал тактику «сильных рук» по отношению к часовому на воротах. Придушенный сторож был крепко связан и завален кучей металлолома, валявшегося неподалеку.

Все конверты Рейли бросил в почтовый ящик на железнодорожной станции. Теперь он не беспокоился, что может быть схвачен. Когда поднялась настоящая тревога, шпион уже ехал в Дортмунд. На следующий день джентльмен в безупречном костюме, с британским паспортом

в кармане следовал в Париж. Таможенникам и полицейским никогда не пришло бы в голову заподозрить в чем-нибудь надменного англичанина с изящным кожаным чемоданом.

* * *

Возвращаться с отчетом к СИ Рейли не торопился. Он решил задержаться на несколько дней в Париже, чтобы насладиться чистым весенним воздухом, который после грязи на заводе Круппа казался волшебным. Роскошь спальни в отеле «Рю де Пари», ласковое прикосновение к коже шелковой сорочки ручной работы, запах цветка из петлицы пиджака – все это воспринималось как давно забытое, почти нереальное. Нет, Рейли совсем не мог считаться богачом, Париж притягивал молодого человека множеством женщин изумительной красоты.

Но судьба приготовила ему еще один жестокий удар. Как-то раз утром Рейли остановился перед витриной на площади Святой Оноры и взглянул на привлекательную молодую женщину, выходящую из магазина. Это была его сестра Анна...

Пережив смерть матери и «потеряв» брата, Анна впала в длительную болезненную депрессию. Словно ребенок, она начала брать уроки игры на фортепиано и, в конце концов, занялась музыкой всерьез. Анна училась у лучших музыкантов Вены и Варшавы и потом приехала в Париж по приглашению великого Падеревского, привлеченного виртуозной манерой ее игры. Не так давно в нее безумно влюбился один польский офицер, приехавший в Париж следом за Анной и умолявший ее о женитьбе. Сестра Рейли не испытывала к офицеру ответного чувства, но молодой человек был так любезен, вежлив и предупредителен, что в итоге Анна ответила согласием.

Испытала ли женщина шок, увидев своего «покойного» брата живым и невредимым, осталось неизвестным. Но через несколько дней после злополучной встречи Анна покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна спальни парижского отеля. В короткой записке, адресованной Георгию, говорилось, что после всего произошедшего она не может выйти замуж за человека, которого не любит. По иронии судьбы Анна оборвала свою жизнь в то время, когда последнее ее письмо предназначалось воскресшему брату.

Немой от горя Рейли оставался в Париже до тех пор, пока, используя имеющиеся связи, не добился вынесения официального вердикта следствия: «смерть в результате несчастного случая».

Самоубийство Анны привело его к глубокой депрессии. Все чувства Рейли были переполнены горечью. Жизнь превратилась в жестокую пытку. Два человека, которых он действительно любил в этой жизни, были мертвы. Сначала мать, «предавшая» его, теперь – Анна. Если бы в свое время он не проявил излишнего упорства и не ушел из жизни сестры, возможно, трагедии можно было избежать. Но жизнь продолжалась. Горечь потери не проходила, и легкая тень каждой женщины, случайно проходящей мимо, будоражила его память.

Вернувшись в Лондон, Рейли принял теплые поздравления СИ в связи с успешным выполнением германской миссии. Обычно честолюбивый агент был чувствителен к похвалам на свой счет, но пережитая драма сделала его совершенно равнодушным и к поздравлениям, и к перспективе двухмесячного отпуска. Получив свои деньги, Рейли снял апартаменты на улице Джеймса и исчез в Вест-Энде – районе игорных домов и борделей. Он не испытывал никакого желания попытаться выяснить о Маргарет что-нибудь новое.

Глава 4

Медя на его воротах! На троне у него Персей!
Байрон

В 1904 году лорд-адмирал Фишер стал первым морским министром. Теперь в стенах Адмиралтейства стали выдвигаться исключительно сильные аргументы в пользу полной замены каменного угля, использовавшегося прежде в Королевском военном флоте, на нефть. Фишер слыл настоящим «нефтяным маньяком» и даже создал при Адмиралтействе специальный Нефтяной комитет под председательством гражданского министра. Не ускользал от его внимания и тот очевидный факт, что Соединенные Штаты, в отличие от Великобритании, обладали достаточным запасом этого ценного сырья. Команда д'Арси обнаруживала нефть в Персии и в 1903-м, и в 1904 годах, однако в таком малом количестве, что о начале коммерческой добычи нефти в этом регионе речи не шло, пробные скважины быстро иссякали. С легкой руки д'Арси на персидские исследования безвозвратно ушло 225 тысяч фунтов. Все его акции перекочевали в банк Моргана как залог под большой кредит. Крупные британские финансисты, включая сэра Эрнеста Кассельса и Джозефа Лайнса, отказались от выплат. Пребывая в отчаянии от надвигающегося краха, д'Арси стал прикладывать усилия, чтобы убедить иностранных европейских банкиров выделить ему дополнительную ссуду.

Сложившаяся ситуация послужила предлогом для очередной командировки Рейли в начале 1905 года. Королевский флот Великобритании снова обратил свой взгляд на Персию в надежде, что нефтяные разработки там не так уж бесперспективны. Нефтяной комитет выделил требуемую сумму на продолжение исследований, поскольку именно Рейли, занимавшийся ранее в этом районе вопросами нефти, убедил руководство в том, что никто, кроме д'Арси, не сможет чего-либо добиться.

Рейли прекрасно помнил, как несколькими годами раньше он настаивал на том, чтобы британское правительство выкупило у д'Арси концессию, и агента поражала медлительность и недальновидность своего руководства. Рассматривая позицию России, Рейли задавал себе один и тот же вопрос: пойдет ли д'Арси на сделку с Санкт-Петербургом либо сочтет это излишним? Рейли приходил в ярость от мысли, что Британия так ничего и не сделала ради заключения соглашения с Россией по разработке персидской нефти, хотя он уже предлагал это несколько лет назад.

Со своей стороны СИ гарантировали Рейли, что вопрос о возможности заключения двусторонней сделки между д'Арси и русскими реально не может быть поднят, поскольку тот уже вел переговоры с французами. По словам руководителей разведки, кабинет министров Великобритании рассматривал возможность соглашения с Россией, и ранние рекомендации агента не прошли мимо ушей правительства.

В качестве пожеланий Рейли предписывалось работать с д'Арси крайне осторожно. Если французы заподозрят, что Англия проявила интерес к персидской нефти и направила в Персию своего агента, то даже в том случае, если д'Арси и не получит ссуду в частных банках, французское правительство само выделит средства.

* * *

Рейли исколесил весь Париж в поисках д'Арси, где он, по слухам, вел переговоры с Ротшильдом. Однако следов «нефтяного мастера» обнаружить не удалось. Поговаривали, что миллионер проявил небывалый интерес к выкупу нефтяной концессии и вел секретные переговоры с д'Арси где-то на юге Франции.

Для осуществления своей очередной миссии Рейли пришла в голову мысль выйти на ведущих банкиров-евреев. Сделав первые визиты к представителям большого бизнеса, он пришел к выводу, что еврей-полукровка сможет разыграть всю комбинацию лучше, чем полноценные евреи Ротшильды, вместе взятые.

В его богатом воображении уже оживали картины получения огромной денежной премии от правительства Великобритании за организацию выкупа концессии д'Арси. Рейли представлял осуществление своей давней мечты – создания мощного англо-русского нефтяного альянса на территории Северной Персии. Он уже видел, как благодарный русский император лично поздравляет незаконнорожденного еврейского сына.

Однако пора было спускаться с небес на землю и переходить от мечты к жизненным реалиям. Чтобы не вызывать подозрений, Рейли выдумал себе больного брата и, предварительно совершив небольшую экспедицию по парижским магазинам, в конце концов объявился в Ницце в длинной черной рясе французского кюре. Не требовалось особого ума, чтобы сообразить – приблизиться к д'Арси, находившемуся под неусыпным наблюдением Ротшильдов, проще всего было бы скромному священнику. Возможно, это вызвало бы некоторые вопросы, но не породило бы подозрений.

Из отеля Рейли информировал своих руководителей, что у него нет и доли сомнений в том, что ему удастся войти в близкое окружение богачей, отдохавших на Ривьере, собирая взносы в пользу сирот, интересы которых он в настоящий момент «представляет». В первую очередь его интересовало семейство Ротшильдов. Собственная еврейская внешность беспокоила агента меньше всего – заботиться о сиротах можно находясь в любой вере или даже без веры вовсе.

Очень скоро до Рейли дошли слухи, что Ротшильды намерены собраться всей семьей в Каннах, где у них содержалась огромная яхта. Он тут же перебрался в маленький каннский пансион и совершил прогулку по морскому берегу, во время которой с протестным для священника любопытством рассматривал яхты, стоявшие вдоль причалов. После первых двух дней наблюдения Рейли появился на борту судна Ротшильдов. В Лондоне он внимательно изучал фотографии д'Арси, поэтому ему не составило бы труда узнать добродушную фигуру среди множества гостей. Рейли был уверен, что финансист не сходил на берег, возможно, он просто уснул на борту яхты.

Осознав, что поговорка «время – деньги» стала актуальной как никогда – д'Арси мог подписать договор с хозяевами яхты в любой момент, – Рейли решил действовать немедленно. Не успел он сделать и шага, как обнаружил объект своих поисков, прогуливавшийся по палубе вместе с компаньонами.

Великий агент не был бы таковым, если бы немедленно не вступил в беседу. Убедительный каскад безупречной французской речи сорвался с губ кюре, помогавшего себе не менее убедительными жестами. Его призывы быть сострадательным к бедным малюткам и сиротам могли бы разжалобить и камни. В первые минуты стоявшие вокруг люди казались ошарашенными и хранили молчание, однако уже вскоре на палубе возникла оживленная дискуссия. Еще несколько усилий эксцентричного кюре – и присутствовавшие полезли в карманы за чековыми книжками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.